

УБИЙСТВО ПАВЛА I: ЗНАЛИ ЛИ СЫНОВЬЯ, КАКАЯ УЧАСТЬ УГОТОВАНА ОТЦУ?

Почему нельзя доверять
«протокольному»
рассказу о событии

Принято считать, что записки о смерти императора, оставленные участником Отечественной войны 1812-го графом де Ланжероном, представляют собой почти протокольную запись рассказов действующих лиц антипавловского заговора: графа Петра Палена, графа фон Беннигсена и великого князя Константина Павловича, без чьего содействия переворот вряд ли бы удался. И ни одно современное исследование дворцового переворота 11–12 марта 1801-го не обходится без этих записок.

Кандидат исторических наук Михаил САФОНОВ впервые провел источниковедческое исследование записок графа и обнаружил, что они далеко не столь достоверны, как принято считать.

Неувязки

– Написанные на французском языке, записки и поныне хранятся в архиве Франции. Впервые появились в печати

в 1895-м в парижском журнале *Revue Britanique*. Но еще до публикации записки были известны историкам. Так, ими воспользовался Адольф Тьер

в своей «Истории консульства и империи», создавшей авторитетную печатную версию переворота 11 марта 1801-го. А когда близкий друг Александра I, Адам Чарторыйский, писал мемуары, он обронил такую фразу: «Записки Ланжерона о смерти императора заключают в себе истину, но чтобы получить полную истину, надо дополнить их сведениями, полученными от самого Александра»...

Тем не менее ни у кого из исследователей почему-то не вызвало подозрения то странное обстоятельство, что рассказ каждого из собеседников, который де Ланжерон записывал сразу же после откровенной беседы, начинается именно с того места, на котором остановился предыдущий рассказчик. Между тем это по большей мере ставит под сомнение аутентичность записок (действительно ли

они сделаны так, как утверждает автор?), по меньшей – позволяет допустить литературную обработку услышанного. Не стоит забывать, что граф увлекался драматургией, писал пьесы, и это нашло отражение в разных пассажах его записок.

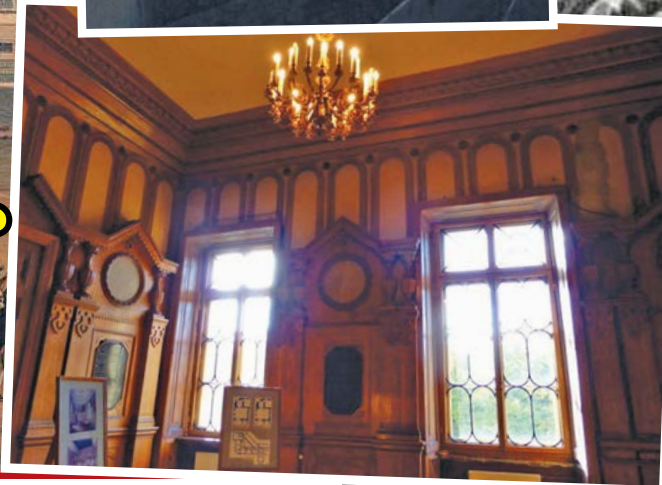
Уникальное признание Палена

– Запись рассказа Петра Палена уникальна: в ней он признается, что замысел заговора и убийства Павла I был задуман им давно и он лишь прикрывался разговорами об отстранении от престола и сохранении Павлу жизни.

Как написано у Ланжерона, император был безумен и вел страну к гибели, а совершить задуманное Пален мог, лишь заручившись поддержкой Александра. Он то льстил ему, то пугал относительно «его собственной будущно-

Лестница, ведущая к комнате Павла

сти, представляя на выбор или престол, или же темницу и даже смерть». В результате Палену «удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность».

«Но я обязан, в интересах правды, сказать, – передает Ланжерон откровения графа, – что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его

намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся.. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обagrит и столицу, и губернии».

В примечании Ланжерон прямо пишет, что Пален приказал Зубовым и Беннигсену совершить убийство.

Между тем ни в одном источнике нет такого откровенного признания Палена, столь цинично обнажившего свои подлинные замыслы. Как известно,

Александр I

после отставки в 1801-м он четверть века прожил в своем курляндском имении и откровенно рассказывал всем гостям подробности подготовки и осуществления замысла. Причем не расказывался и до последних дней заявлял, что совершил «величайший подвиг освобождения от тирана».

Драматические эффекты или правда?

— Любопытны нестыковки в рассказе Палена, когда речь шла о том, что заговор оказался на волоске. Приведу этот кусок текста максимально полно.

«7-го марта я [Пален] вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о со-

стоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь, и молча смотрит на меня в упор минуты с две, и говорит наконец: „Г. фон-Пален! Вы были здесь в 1762 году“. — „Да, ваше величество“. — „Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?“ — „Я был свидетелем переворота, а не действующим лицом. Я был очень молод, служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит. Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?“ — „Потому что хотят повторить 1762 год“.

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал: „Да, ваше величество, хотя! Я это знаю и участвую в заговоре“. — „Вы это знаете и участвуете в заговоре?“ — „Сушая правда, ваше величество, я должен сделать вид, что участвую,

ввиду моей должности. Ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь, вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора и скоро вам станет все известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и теми, что угрожали вашему отцу. Он был иностранец, а вы рус-

ский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома: каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только 7 лет“. „Все это правда, — отвечал он, — но, конечно, не надо дремать“.

На этом наш разговор и окончился, я тотчас же написал про него великому князю [Александру], убеждая его завтра же нанести задуманный удар: он заставил меня отсрочить его до 11-го, дня, когда дежурным будет 3-й батальон Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других остальных. Я согласился на это с трудом и был не без тревоги в следующие два дня.

Если верить записи, 7 марта Павел узнает о заговоре от шефа тайной полиции (Пален занимал и эту должность) и четыре дня не предпринимает ничего, чтобы получить достоверные сведения об этом... Представить такое невозможно.

Петр Пален

Тут два варианта. Либо такого разговора вообще не было — не исключено, что де Ланжерон, баловавшийся написанием пьес и стихов, не удержался от усиления драматического эффекта и придумал его. Либо такой разговор состоялся, но не 7 марта. Характерно, что исследователи переворота, интуитивно чувствуя, что здесь что-то не так, совершенно произвольно изменяли дату разговора с 7 марта на 9-е, сокращая срок «осведомленности» Павла до двух дней. Однако даже «укороченная» дата, 9 марта, вызвала некоторые сомнения у принимавших ее за истинную.

Занимствовал из анонимки?

— Фрагмент записок Ланжерона, якобы содержащий почти протокольную запись рассказа графа Леонтия Беннигсена об убийстве Павла I, легко может быть определен как литературная мистификация. Для этого достаточно сопоставить эту запись с опубликованными при жизни мемуариста источниками, которыми он ловко воспользовался. Настолько ловко, что никто из исследо-

вателей не заподозрил подвоха и не понял, что имеет дело с позднейшей литературной обработкой ранее обнародованных текстов. Прежде всего бросается в глаза, что Ланжерон обильно пользовался мемуарами Беннигсена (подробнее об этом — в материале «Погоня за 17-м пакетом», «Мифы и факты», №6, 2024. — Е. С.), опубликованными в Швейцарии без имени автора немецким издателем Генрихом Цшокке.

Очевидно, что де Ланжерон творчески перерабатывал текст публикации мемуаров Беннигсена, пересказывая своими словами заимствованные фрагменты и помещая в качестве примечаний отрывки из них так, чтобы читатель не догадался, что у него перед глазами уже опубликованный анонимно текст, разбитый на куски.

Это видно и в рассказе о последнем ужине заговорщиков, где де Ланжерон, якобы со слов Беннигсена, перечисляет присутствовавших там лиц, используя упоминание в публикации Цшокке о тех, кто находился в спальне Павла в момент его убийства.

Леонтий Беннигсен

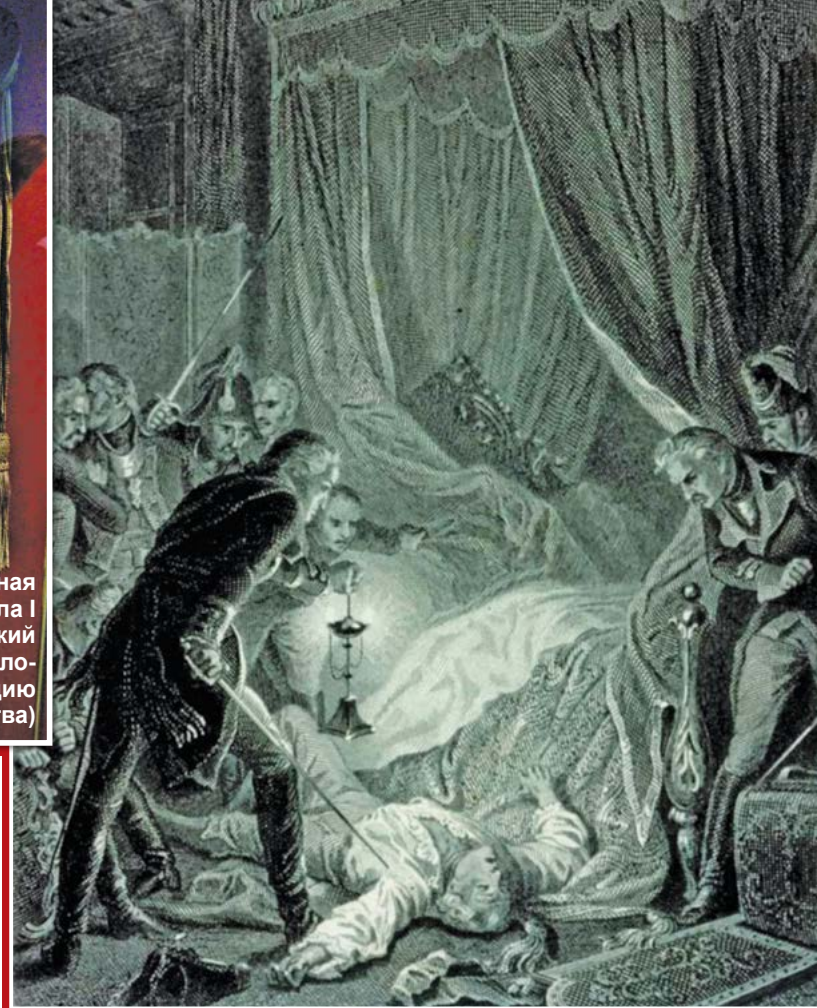

Константин

Ночная рубашка Павла I и гвардейский шарф (аналогичный орудии убийства)

себя, прибавив: „Можно ли спрашивать, что мне нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапорт императору. Уже 6 часов! Отпирайте скорее!“ – „Как – 6 часов? – возразил камердинер. – Нет еще и 12-ти; мы только что улеглись спать“. „Вы ошибаетесь, – сказал Аргамаков. – Ваши часы, вероятно, остановились: теперь более 6-ти часов. Из-за вас меня посадят под арест, если я опоздаю, отпирайте скорее“. Обманутый камердинер отпер, и заговорщики вошли толпой».

Дальше продолжается рассказ якобы от имени Беннигсена: «Когда камердинер и гайдуки императора увидели нас входящими толпой, они не могли усомниться в нашем замысле: камердинер спрятался, но один из гайдуков, хотя и обезоруженный, бросился на нас; один из сопровождавших меня свалил его ударом сабли и опасно ранил в голову».

И таких заимствованных у Цшокке моментов множество. И описание покоев Павла, и рассуждение, как Павел мог бы спастись, и монолог Беннигсена перед обнаруженным им за ширмами Павлом, и ответ Платона Зубова на вопрос императо-

ра, что он сделал заговорщикам, и рассказ, как отставшие заговорщики вошли толпой в спальню Павла и внесли сумятицу в происходившее там...

Константин не причастен?

– Что же касается описания убийства Павла, то Ланжерон, отгалкиваясь от текста Цшокке, сконструировал сцену расправы над царем таким образом, чтобы подчеркнуть непричастность великого князя Константина к заговору.

Он прочел в публикации Цшокке, что, услышав посторонний шум, Платон Зубов бросился в апартаменты Александра, находившиеся под покоем его отца, и застал там его и Константина вместе с женами.

Константин узнал о заговоре только вечером 11 марта: «Хотя он не любил императора, опасались некоторой

неосторожности с его стороны». Этот пассаж Ланжерон преобразовал в примечание к записи рассказа цесаревича. «Император Александр не захотел открыть своему брату тайну замышляемого заговора, он страшился его нескромности и, быть может, его честности и прямоты. Пален внушил ему также опасение, что если великий князь узнает о проекте свергнуть с престола его отца, он может открыть всю правду отцу в надежде погубить старшего брата и самому занять место. Без сомнения, Константин был далек от подобного расчета, но очень вероятно, что он оказал бы долгое и, быть может, действительное сопротивление решениям брата. Пален и об этом подумал; ничто не ускользнуло от него».

Чтобы развить тезис о непричастности Константина, Ланжерон сочинил от его имени рассказ, что он спал,

«как спят в 20 лет», не догадываясь ни о чем.

Очевидно, описывая сцену убийства Павла и интерпретируя тезис о невинности цесаревича, Ланжерон, помимо публикации Цшокке, пользовался и другими печатными источниками, которые тщательно штудировал.

Ряд сведений он почерпнул из анонимной французской публикации, изданной в Париже в 1806-м *Notice sur la mort de Paul Ier, Empereur de Russie*. В частности, в *Notice* содержится упоминание, что последними словами Павла перед смертью были *Constantin, Constantin...*

Описывая расправу над Павлом в примечании к якобы записи рассказа Беннигсена, Ланжерон пополнил текст публикации Цшокке сведениями, почерпнутыми в *Notice*. «Убийцы бросились на Павла, и он защищался слабо: он просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть молитвы [...] Убийцы не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф и через него погиб Павел. Не знают, кому приписать позорную честь быть виновником его жестокой кончины; все заговорщики участвовали в ней, но, по-видимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежат главные ответственности в этом страшном злодействе. Оказывается, что Николай Зубов, нечто вроде мясника, жестокий и разгоряченный вином, которым упилился, ударил его кулаком в лицо, а так как у него в руке была золотая табакерка, то один из острых углов этой четырехугольной табакерки ранил императора под левым глазом».

Согласно Цшокке, убийцами царя были Яшвил и Татаринов. Автор же *Notice* первым поднявшим руку на царя называет Николая Зубова. Ланжерон объединяет обе эти версии в одну.

Ланжерон мстил Александру I?

– Однако самое важное заимствование из *Notice*, творчески развитое Ланжероном, состояло в следующем. Анонимный автор писал, что Пален настроил Павла против Александра, чтобы привлечь наследника к заговору. Павлу Пален заявил, что не может ручаться за его жизнь, если царь не даст ему указа об аресте сына. Получив такой документ,

Пален показал его Александру и предложил ему добиваться отречения отца. Глава заговора дал клятву Александру, что на жизнь Павла покушаться не будут, тем самым обманув наслед-

ника. Царь заговорил с Паленом о заговоре, и военный губернатор признался, что сам в нем состоит, чтобы держать нити в своих руках.

Совершенно очевидно, эти положения *Notice* стали отправной точкой для творческого воображения Ланжерона. Писатель и драматург, он сочинил, как Пален, подлинный сын Маккиавелли, настоящий гений интриги, с потрясающей откровенностью и невероятным цинизмом раскрыл ему мотивы собственного двоедушного поведения и описал свои сокровенные планы, конечной целью которых было заранее спланированное цареубийство.

В общем, при внимательном прочтении бросаются в глаза не только неувязки, но и тенденциозность записок. В рассказе Палена автор составил обвинительный акт против императора Александра I и полностью обелил Константина, противопоставив его старшему брату.

Не исключено, что таким образом граф мстил Александру I, который трижды подвергал его опале.

■ Записала
Елена Сковорова

ДОСЬЕ

Александр Федорович де Ланжерон (1763–1831). Потомок старинного аристократического рода Франции (Луи-Александр Андро де Ланжерон). Масон. В 1780-х воевал в Новом Свете на стороне американцев. После Великой Французской революции покинул свою страну и в 1790-м (при Екатерине II) поступил на службу в России в том же чине (полковник). Участвовал в войнах со Швецией, Турцией, показав себя храбрым офицером. Был не раз награжден. Дослужился до генерал-лейтенанта.

В 1799-м принял российское подданство и возведен Павлом I в графское достоинство.

А вот Александр I и трижды наказывал его (первый раз – после битвы при Аустерлице, император фактически выгнал его из армии), и не раз награждал: де Ланжерон отличился во время Отечественной войны 1812-го.

В 1815-м сменил герцога Ришелье на посту генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии. Очень много сделал для развития Одессы и всего края. Был знаком с Пушкиным.

В 1823-м снова впал в немилость, подав Александру проект об отмене табели о рангах. Так закончилась его карьера.

Умер в Санкт-Петербурге во время эпидемии холеры. Похоронен в Одессе.